

мужик остается стилистически нейтральной. Она стоит в одном ряду с наименованиями различных предметов окружающей действительности, и происходит овеществление, *мужик* становится частью пейзажа.

Итак, А.С. Пушкин, широко используя в языке своих произведений изначально стилистически нейтральную лексическую единицу *мужик*, сообщает ей разговорный характер, превращая таким образом в стилистически маркированную единицу, которая могла влиять на характер всего контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому

языку. – М., 1959. – С. 193.

2. Войлова К. А. А. С. Пушкин: соотношение объективного и субъективного в языке и стиле. – М., 2007. – 135 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Эл. вар-т. Значения приводятся по данному источнику.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., дополненное. – М., 1999. – С. 369.
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 3-х т. – М., 1985.
6. Словарь языка Пушкина. / Под ред. Виноградова В. В. – М., 1957. – Т. 2. – С. 638.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935-1940. Эл. вар-т. Значения приводятся по данному источнику.

УДК 811.161.1'373

Кузьмина Т.В.

САКРАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ *ВЕНИК* В СЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА*

Аннотация. В данной статье рассматривается сакральное значение лексемы *веник*, её функционирование в славянских языках (русском и болгарском). Автор выясняет, откуда появляются сакральные оттенки слова *веник*, и устанавливает, в каком из славянских языков преобладает сакральное ядро. Важную роль при установлении сакральности играют эмотивный и ассоциативный компоненты. Исследование ведется на основе фольклорных (сказки, народные песни, поговорки) и магических (заговоры, заклинания) текстов.

Ключевые слова: сакральное значение, идиомы, поговорки, ассоциации, славянская языковая картина мира.

T. Kuzmina

SACRED MEANING OF THE LEXEME “BESOM” IN SLAVIC LINGUISTIC CONCEPTION

Abstract. The present article is devoted to sacred meaning of the lexeme “besom” and its functioning in Slavic languages (Russian and Bulgarian). The author also researches where sacred nuances of the lexeme “besom” appear from and distinguishes in what Slavic languages the kernel exists. Emotional and associative

component plays an important role while distinguishing sacredness. The exploration is based on folkloric materials (fairy tales, folk songs, proverb) and magical texts (charms and spells).

Key words: sacred meaning, idioms, proverb, association, Slavic linguistic conception.

Слово – это «единица интеллектуально-духовной жизни, обуславливающая реализацию человеческого бытия в самом широком смысле» [3, с. 45]. Отождествляя знак и обозначаемое, слово и предмет, имя вещи, сущность вещи, «мифологическое сознание склонно приписывать слову те или иные трансцендентные (чудесные, сверхъестественные) свойства – такие, как магические возможности; чудесное («неземное» божественное или, напротив, демоническое, адское, сатанинское) происхождение; святость (или, напротив, греховность); внятность потусторонним силам» [15, с. 42].

Некоторые слова в лексике русского и болгарского языков имеют в своей семантической структуре сакральные значения. Рассмотрим русский вариант слова *веник* (его старославянская форма *вѣникъ* связана с *венюк*, *вить* [25, с. 291]) и болгарское слово *метла* (праславянская форма **метъла* «*мету*» [25, с. 610]).

Смысловая структура лексемы *веник* в

* © Кузьмина Т.В.

русском языке представлена следующими се-
мами:

1. Связка прутьев или веток с листьями, используемая для подметания пола, в бане и т. д. *Вязать веники. В так называемой холодной избе... уже возились две другие бабы; они выносили оттуда всякую дрянь, подметали банными вениками сор* (И. Тургенев).

2. Перен. О плохо составленном, некрасивом букете цветов (обычно шутливо или с оттенком пренебрежения). *Входит Володя с цветами. Мой веник не хуже твоего* [БАС, 2005, с. 206].

В болгарском языке для обозначения веника используется лексема *метла*:

1. Домашняя вещь с растительным стеблем, которая собрана в пучок.

2. Травянистое растение [17, с. 355].

Сравнительный анализ словарных статей толковых словарей русского и болгарского языков позволяет сделать вывод, что основным значением в обоих языках лексема *веник (метла)* является связка веток, используемая в бане и в хозяйстве.

В русском языке переносное значение «о плохо составленном букете...цветов» говорит об активном освоении ассоциативного компонента значения. Второй ЛСВ (по БАС) приближается к сакральному ядру. В свадебном обряде у славян *веник* играл немаловажную роль: во время девичника наряжали банный веник и, пока топили баню, ставили его на крышу, а затем торжественно несли перед невестой в баню; разбирали веник на прутья, каждый обвязывали красной лентой и втыкали по обеим сторонам дорожки («*вершили дорожку*») [26, с. 308-310]. Таким образом, раньше из прутьев и веток делали букет, и он символизировал благополучие.

Букет, составленный из прутьев и веток, некрасив и сопровождается у носителей языка негативной коннотацией, поэтому вызывает отрицательные эмоции – отсюда образуется переносное значение слова *веник*, которое фиксирует БАС русского языка.

Несмотря на славянскую традицию составлять букет из прутьев веника [26, с. 308-310], в словарях древнерусского и старославянского языков вторичное значение «о букете цветов» отсутствует.

Рассмотрим словарную статью слова *веник* по «Словарю древнерусского языка» И.И. Срезневского и «Словарю церковно-славянского и русского языка»:

вѣнникъ – связанный пучекъ прутьевъ [24, с. 254].

вѣнникъ – связка древесныхъ прутьевъ съ листьями, которыми парятся въ баняхъ, или подметаютъ полъ [22, с. 269].

Как мы видим, в церковно-славянском и древнерусском словарях вторичное значение «о букете цветов» не фиксируется, так как славяне с осторожностью относились к данному предмету.

Но уже в XIX веке в словаре «Живого великорусского языка» В.И. Даля лексема *веник* становится многозначной:

1. Связка веток, прутьев с листвою, для парки в бане, для подметания пола, чистки платья; связка стеблей травянистых; пучок мелких и длинных древесных стружек, для spryskabel'ya, цветов. *Гольй веник, без листвы, голик. Веничком одежду чистить сохраннее, нежели щеткою. Вениковый, веничный, до веника относящийся.*

2. Веничник; Тот, кто вяжет, продает веники. *Веничник посмотрел на нас угрюмо* [Даль, www.slovari.yandex.ru].

Слово продолжает активно функционировать в языке, развивая дополнительные значения, в основе которых находится сакральный компонент, уходящий корнями в обрядность славян, тесно связанную с магией слова, действия и звука.

На Руси было принято ежегодно менять обрядовый веник, выбрасывая его на перекресток дорог. Считалось, что с веником уходят беды, накопившиеся в течение года. Чем красивее и аккуратнее веник, тем значительнее его сила:

Елена Прекрасная взяла этот веник, изукрасила разными цветами и положила на видное место. Иван — купеческий сын воротился с охоты, увидал веник и спрашивает: - Зачем это веник изукрасила?

- Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в венике? (Чудесная рубашка, 2007-2008, с. 30). В русских народных сказках *веник* – это символ мудрости, предмет, оберегающий от зла.

Лексема *веник* значима для русского языкового сознания, об этом свидетельствует значительный корпус идиоматических выражений, связанных со словом *веник*. Выявить сакральное значение лексемы *веник* помогает исследование именно фразеологических единиц, так как, по выражению В.М. Мокиенко, «фразеология – историческое зеркало жизни общества» [14, с. 95]. В этом зеркале мы можем увидеть, как развивалось и менялось общество, а вместе с ним и язык.

Выражение *фирма веников не вяжет*

имеет значение 'не следует беспокоиться, задание будет исполнено профессионально, на должном уровне' [Многоязычный открытый словарь, www.wiktionary.org] и демонстрирует отрицательную коннотацию рассматриваемой единицы. Данное идиоматическое выражение построено на антитезе *хорошее – плохое, тяжелое – лёгкое, положительное – отрицательное*. Таким образом, на современном этапе жизни вязание веников – это занятие простое и убыточное.

В древности вязание веников было делом непростым. Собирались ветки для веника ранней весной. Считалось, что в таких молодых деревьях силен дух оживления и человек, используя веник из первой зелени, как бы «освящался» на новую жизнь. Особые веники для бани заготавливали знахари в дни славянских праздников. Деревья для таких магических веников отбирали самые молодые и сильные. Порода дерева (дуб, береза, вишня, смородина) выбиралась в зависимости от той цели, для которой нужен был веник: наворожить ли замужество, дать ли силу и крепкое здоровье.

На Руси не вязали веников лишь в Ильин день. В народе Илью считали суровым, грозным, карающим, в его подчинении дожди, гром, молнии; с другой стороны, Илья – щедрый, наделяющий, так как посылает на землю плодородие. Чтобы умиловить грозного пророка, в Ильин день не работали в поле, не косили, не убирали сена и веников не вязали, боясь нечистой силы: «По ягоды тоже не ходят. И веников не вяжут; ещё молодухой, с утра отправилась веники вязать. До полдня был красный день, потом поднялась страшная буря. Едва до дому добежала... Веники сгорели...» [7, с. 24].

В русской языковой картине мира *веник* – это предмет, наделенный сверхъестественной силой. В современном же русском языке сакральный компонент утрачивается вследствие изменения жизни (христианство пришло на смену язычества), уходят ритуалы, связанные с данным предметом; утрачивается эпохальное и национальное мировидение. У современного человека формируется иной взгляд на жизнь.

Выражением, в котором реализуется положительная коннотация, можно считать идиому *сидеть тихо, как мышь под веником* (*Sidi kiel muso sub balalibo*) [20]. Суть данного идиоматического выражения: 'бояться чего-либо'. Веник здесь выступает в качестве оберега, «волшебного помощника».

Веник – символ, оберегающий от зла, входящего в дом, – принят у многих славянских народов. Веник вешали ручкой вниз только на входной двери со стороны улицы. Верили, что в этом положении он обладает способностью останавливать нечистую силу на пороге дома. Внутри дома веник вешали только ручкой вверх. Славяне верили, что домовая обитает под веником-домовушкой, поэтому веник стремились всячески украсить, тем самым сделать приятное домовому. На Федорин день (24 сентября) он [домовой] вообще не покидал своего убежища, и в этот день мусор не выносили, веник не брали в руки, боясь прогнать домового. Из сказанного следует, что в слове *веник*, помимо первичного значения «банный предмет и хозяйственная утварь», реализуется и вторичное сакральное – «предмет-символ, предмет-оберег, предупреждающий «не выглядывай, чтобы никого не прогнать».

Раскрывается сакральное значение анализируемого слова и в поговорках, в них в большинстве случаев реализуется положительная коннотация. Практически все подобные конструкции будут связаны с баней. В ней используется веник, составленный из веток с листьями, который раньше славяне считали оберегом от всякой нечисти.

Веник ('связка веток с листьями') – это неотъемлемый банный атрибут: «*баня без веника что стол без соли*» [9]. Банный веник – это символ здоровья, благополучия (в бане он доставляет удовольствие принимающему банные процедуры), например, «*банный веник душу тешит да тело нежит*» [9]. Как мы видим, венику приписываются черты доброго и заботливого человека – «тешит, нежит». Лексема *веник*, помимо конкретного значения, наделена и мистическим, ведь «баня в народных верованиях – нечистое место, где обитают демонические существа» [26, с. 138]. Когда девушки парились в бане, приговаривали на веник: «*Как берёзка цветет, кудрявится, так чтобы раба Божья, так же цвела и кудрявилась*» [1, с. 114-120]. Сакральный компонент данного слова восходит к обрядности славян. К венику относились с осторожностью, с уважением, об этом свидетельствует следующая поговорка: *Веник в бане – всем начальник, всему голова* [9].

Баный веник использовали в лечебной магии: больных били веником, обметали веником, прикасались им или привязывали его к больному месту, укладывали больного на веник, накрывали им больного, перебра-

сывали веник через больного, заставляли его перешагнуть через веник, кропили больного водой с веника; парили прутья веника и давали больному пить отвар. Данная традиция закрепились в народной мудрости: *Баный веник – главный лекарь* [9]. Русские люди для лечения радикулита совершали особый обряд “*рубить утин*”: рубили веник на пороге или на поясице больного, произнося приговор: «*Чего секешь?*» – «*Утин*». – «*Секи боле, чтоб не было боли*». *Три раза так* [1, с. 247] или «*Тын, тын, возьми свой утин от рабе (имя)*». *Повторить три раза* [там же].

Поговорки могли и совмещать в себе положительную и отрицательную коннотации: *Мал да удал, всем порку задал* [9]. Данная поговорка обладает метафорическим значением. Венику приписываются чувства и эмоции человека – злость, недовольство; веник также олицетворяет действия человека, который лечится в бане веником или хлопает по спине принимающего баню: «*И до того себя дохлестывают веником, – написано в древнерусской летописи, – что вылезают из бани едва живыми. Но, облившись холодной водой, оживают вновь*» [11, с. 99]. Баня становится своеобразным символом мучений, а веник – предметом, который доставляет данные мучения.

Веник баный (как говорили прежде – метла банная) изгонял болезнь из тела человека, расправляясь заодно и со злыми духами, и со всевозможными болезнями. Таким образом, веник олицетворяет мощь, силу, помогает в любви, выступает в качестве оберега от болезней, нечистой силы.

Несколько иначе обстояло дело с покойничком веником, который часто использовали в хозяйственной и лечебной ветеринарной магии. Например, прятали его в хлев и использовали для оберега скота от домового, ведьмы, от сглаза; «*втыкали в грядки с капустой для избавления от гусениц или сжигали веник и обсыпали капусту пеплом; покойничком веником снимали порчу со скота*» [26, с. 310-311]. В погребальном обряде и в поверьях о смерти веник связывается с душой умершего. Для облегчения агонии знахарки перебрашивали веник через крышу дома; без особой нужды старались не трогать веник, чтобы «*не тревожить душу*». После выноса покойника веник было принято выбрасывать вместе с мусором и щепками от гроба.

С давних времен веник считался, с одной стороны, оберегом от злых сил, а с другой – орудием порчи и колдовства. С ним связано

множество примет, запретов и предостережений: старую метлу нельзя выбрасывать вблизи дома, на дороге, где на нее может наступить человек или животное, — это грозит болезнями, бессонницей и другими бедами. Широко распространен запрет бить веником человека и скотину – ребенок или животное не будут расти, станут худыми и сухими, как веник. Старую метлу обычно запрещалось сжигать в печи, так как считалось, что это вызывает ветер, вихрь, бурю, нашествие вшей, клопов, тараканов, а также ссоры и раздоры в семье.

Итак, веник является очень распространенным предметом в русском фольклоре, так как в русском языковом сознании домашний веник “выметал” из дома нечистую силу. Данный обряд запечатлен даже в детских колыбельных песнях. На ночь детям пели следующую песню [19]:

*Баю-баюшки-бай-бай!
Поди, бука, под сарай,
Мого Ваню не пугай.
Я за веником схожу,
Тебя, бука, прогоню.
Поди, бука, куда хошь,
Мого Ваню не тревожь!*

Чтобы защититься от человека с дурным глазом, бросали ему вслед веник, приговаривая: «*Стой, злой, стой час, бревном стой, не двигайся, не приближайся*». *От злого человека. Он и встанет. Будет все слышать, видеть, но не сможет двигаться* [1, с. 87].

С лексемой *веник* связаны такие ассоциативные поля: *березовый, простой, полынный, садовый, баный, старый, длинный, тяжелый, голый, цветочный, помятый, короткий, киевский, душистый, колядный* [Тарасова, 2010, с. 30]. Относительные прилагательные *березовый, полынный, цветочный* указывают на тот материал, из которого сделан веник. Ассоциаты *простой, длинный, короткий* обозначают его качественные характеристики.

Сакральные ассоциаты *старый, колядный* привлекают к себе особое внимание.

1. *Старый веник* в сознании современного человека – непригодный, утративший свою функциональность предмет. Иначе воспринимался старый веник у древних славян. К празднику Ивана Купалы был приурочен обряд заготовки новых и уничтожения старых, стершихся веников. Старые веники имели обрядовую ценность: они сжигались в купальском костре, что символизировало уничтожение ведьмы.

В качестве орудия устрашения, битья,

пародийного подметания веник мог входить и в реквизит ряженных, особенно масленичных. Старые веники подвешивали к чучелу Масленицы или само чучело делали из них. Вениками украшали дуги, хвосты лошадей, упряжь при проводах масленицы.

Таким образом, *старый веник* у славян использовался в календарных обрядах.

2. В девичьих гаданиях о замужестве использовался колядный *веник*, то есть веник, которым подметали в доме на святки. Его подбрасывали вверх, примечая, в какую сторону он упадет; бросали на дорогу, ожидая, что его поднимет суженый, подкладывали веник или прутья от него на ночь под подушку в ожидании вещего сна; выбрасывали веник на мусорную кучу, прислушиваясь к собачьему лаю и т. п. На Русском Севере девушки гадали с банными вениками: «после мытья в бане в день Аграфены Купальницы, они бросали свои веники в реку и по тому, как они плыли или тонули, гадали о жизни-смерти и о замужестве» [26, с. 312].

Один из особо почитаемых на Руси праздников – Зимние Святки. Зимние Святки – праздник многослойный, вобравший в себя обряды и обычаи, связанные с мифологическими и религиозными представлениями, сформировавшимися в различные исторические эпохи. Чаще всего ворожили в ночь перед Рождеством, на Новый год и на Крещение, как правило, в полночь. Например, гадание во сне под названием «мостик»: «Собрав из веника прутьев, кладут их сложенными вроде мостика под подушку. Ложась спать, приговаривают: «Кто мой суженый, кто мой ряженный, тот переведет меня через мостик» [2, с. 1]. Если суженый явится во сне и переведет через мостик, быть замужем в этом году.

Лексема *метла* особо значима для болгарского народа, так как данное слово активно функционирует в болгарском фольклоре: в сказках, в детских песнях:

*Гледайте, гледайте този юнак,
който направихме само от сняг!
Има си шапка, в ръцете метла,
шалът на баба, дори очила.*

(перевод: Смотрите, смотрите на этого героя, который отряхнулся только от снега, у него есть шапка, в руке веник, на нем бабушкин платок и солнцезащитные очки).

В болгарском фольклоре у слова *метла* реализуется значение «связка прутьев,

используемая в хозяйстве»: «Ами че тия рѣчички за метла ли са, мамино чедо галено?» (русс. Ты держишь своими ручками метлу, избалованное дитя?) [4, с. 48].

Метла у болгар часто становится атрибутом нечистой силы. Связь метлы с демонами природных стихий подтверждается отмеченным в Болгарии, в районе Плевны, обычаем изготавливать обрядовую куклу Герман из прутьев метлы. В Болгарии существует проклятие: *Черне метле да го помете* – русс. *Черной метлой смести*. Это своего рода метафора смерти. Увидеть во сне метлу, по мнению болгар, к смерти.

Болгарское слово *метла* образовано от слова *метя* (= *мету*), а потому является и символом какого-то начала, весны, радости, счастья. На праздник Баба Марта до сих пор осталась традиция делать кукол из пряжи «*мартеници*», похожих на веник. У этих кукол имеется конский хвост, в виде метелки, который защищает от порчи.

В болгарском народном творчестве на метле летает любая ведьма (*вещица*), которая «много знает и умеет»: *Вешицата отговори с тези думи тя отлетя на своята метла, смейки се и крякайки по целия път* (русс. *Ведьма сказала эти слова, полетела на своей метле, смеясь и крякая*) [5].

Похожую ситуацию мы наблюдаем и в русских народных сказках, где Баба-Яга активно пользуется метлой, как для полёта на ней верхом, так и для полёта в ступе. Только чаще используется в подобном контексте не *метла*, а синонимичная единица *помело*: «Покричала баба-яга, пошумела, потом села в ступу и помчалась в погоню. Пестом погоняет, *помелом след замечает...*» [18, с. 3]. Таким образом, в русском языке выстраивается синонимический ряд *веник* – *метла* – *помело*. Лексема *помело* стилистически маркирована и относится к жаргонной лексике. Данный жаргонизм можно встретить в устойчивом словосочетании *язык как помело*.

В русском языке встречается уменьшительно-ласкательное словообразование от *метла* – *метёлка*. Используется слово *метёлка*, когда говорят о маленьком венике, чаще в разговоре с детьми; можно встретить в сочетании *хвост как метёлка*, говоря о каком-либо животном, имеющем хвост, или о неудачной причёске человека. Данное словосочетание имеет отрицательную коннотацию.

Болгарское слово *метла* совмещает в семантической структуре положительную и отрицательную коннотации. В структуре

лексемы отсутствует переносное значение, малое количество фразеологических оборотов с данным словом (*железна метла (=огненная метла), ще играе метлата (=а) дадут възбучку; б) многих поувольняют*) [6, с. 328]) указывает на то, что болгары с осторожностью относятся к данному предмету, для них это сакральная вещь. Для современной русской языковой картины мира значимым становится *веник* как банный и хозяйственный предмет, хотя существует большое количество примет и поверий, связанных с веником, но магическая сила веника уходит на второй план, появляются шуточные, иронические выражения, высмеивающие его. «Занимаясь изучением другого славянского языка, нужно смотреть на язык с точки зрения другой лингвокультуры, несмотря на языковое родство» [12, с. 215].

Подводя итог, подчеркнем, что веник – это не только предмет, пригодный в хозяйстве, но и атрибут нечистой силы в русском и болгарском фольклоре. Этот предмет используется в лечебной магии и выступает в качестве оберега от злых сил, от дурного глаза. Сакральный компонент, выявленный на основе фразеологического фонда языка, фольклорных текстов, заговоров даёт сведения о культуре, менталитете народа, о мифах, обычаях, обрядах и ритуалах, поведении славян. Лексема *веник* располагает положительной и отрицательной коннотацией, а возникновение коннотаций – процесс культурно-национальный. Появление сакрального значения лексемы *веник, метла* связано с мировосприятием, ментальностью народа, культурными традициями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аникин В.П. Русские заговоры и заклинания. – М., 1998. – 480 с.
2. Базилишина Н.М. От Рождества до Крещения// Обряды, обычаи, праздники. – М., 1999. – 4 с.
3. Буянова Л.Ю. Лингвокультурный потенциал русского слова // Русский язык в системе славянских языков: история и современность. – М., 2009.
4. Български народни приказки. – Пловдив, 2005. – 160 с.
5. Български народни приказки//Электронный ресурс, www.tacenter-bg.org/story.htm
6. Българско-руски фразеологичен речник. – София-М., 1974. – 635 с.
7. Виноградов Г.С. Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири. – Иркутск, 1918. – 150 с.
8. Горбачевич К.С. Большой академический словарь русского языка. Т. 2. – СПб., 2005. – 658 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка //Электронный ресурс, www.slovari.yandex.ru
10. Караулов Ю.Н. Ассоциативный словарь русского языка. Т. I. – М., 2002. – 784 с.
11. Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. – Екатеринбург, 2007. – 354 с.
12. Маркова Е.М. Образ дуба в славянской языковой картине мира (на материале русского и чешского языков)//Русский язык в системе славянских языков: история и современность. – М., 2009.
13. Многоязычный открытый словарь//Электронный ресурс, www.wiktionary.org
14. Мокиенко В.М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. – СПб., 1999. – 224 с.
15. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М., 1997. – 352 с.
16. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1964. – 900 с.
17. Радева В. Български тълковен речник. – София, 2007. – 823 с.
18. Русские народные сказки. – М., 2008. – 224 с.
19. Русский фольклор // Электронный ресурс, www.slavclub.ru.
20. Русско-эсперантские фразеологизмы // Электронный ресурс, miresperanto.ru
21. Сказки народов мира // Электронный ресурс, www.lib.rus.ec/b
22. Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. I. – СПб., 1847. – 439 с.
23. Соколов Ю.М. Русский фольклор. – М., 2007. – 544 с.
24. Срезневский И.И. Словарь древне-русского языка. Т. I. – СПб., 1893. – 771 с.
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. – М., 1986. – 577 с.
26. Этнолингвистический словарь: Славянские древности. Т. I, под ред. Н.И. Толстого. – М., 1995. – 576 с.